

ОСТОВКИ

Анна ЗОЛОТАРЁВА

«Остарбайтер» с немецкого языка переводится как «восточный работник». Ост, остовка, остовки — так называли советских людей, угнанных в годы Великой Отечественной в Германию на принудительные работы. На рукаве или груди они должны были носить нашивки с буквами OST.

Дефицит рабочей силы

Массовая отправка людей с оккупированных территорий началась весной 1942-го. После неудавшегося блицкрига в 1941-м в Германии возник дефицит рабочей силы. Вначале вербовка носила добровольный характер. На Украине тем, кто хлебнул горе войны, обещали золотые горы. Но желающих оказалось немного. Основная часть остарбайтеров состояла из людей, которых насильно отправляли в Германию.

За всю войну, по разным данным, немцы вывезли около 3,2 млн людей. Среди них больше всего было белорусов, украинцев и русских.

В красногвардейской Ливенке и посёлке Майский под Белгородом мы нашли родных сестёр Рождественских (девичья фамилия), которых вместе с родителями фашисты угнали в Берлин. Анне Егоровне Арефьевой 95. Лидии Егоровне Самойличенко в марте исполнится 90. Вот что они рассказали.

Угоняли сёлами

Анна Егоровна: «Наша семья тогда жила в селе Ореховка Орловской области. Отец сапожник, мать работала в колхозе. Перед войной я окончила два курса фармакологического техникума в Мценске. Я помню, как в нашем селе стояли немцы. В 43-м, когда их начали выдавливать с нашей земли, они стали поджигать дома и угонять людей. Мне исполнилось 19 лет, Лиде — 13».

Лидия Егоровна: «Отцу было 40, когда его забрали вместе с другими на войну. Их довели до Кром (Орловская область), а там уже немцы. Фашисты рвались на Москву, а наша армия сильно отступала. Не встретив части Красной армии, папа вернулся домой. Всей семьёй нас и угнали в Германию».

По данным кандидата исторических наук, доцента Орловского государственного института искусств и культуры Анатолия Перелыгина, за 22 месяца оккупации Орловщины немцы угнали в Германию около 200 тыс. мирных жителей.

Людей сгоняли семьями, улицами, сёлами. Не трогали лишь тех, у кого были совсем маленькие дети, и стариков. Над колонной угоняемых иногда появлялась советская авиация, тогда немецкий конвой смешивался с толпой, чтобы не обстреляли.

Через несколько дней дороги Рождественских вместе с другими пригнали на железнодорожную станцию Почеп (тогда ещё Орловская область). Снова отсортировали людей — кого брать, кого оставить. Загнали в вагоны для скота и повезли до Брест-Литовска. Там провели дезинфекцию. В дороге кормили: полбуханки хлеба на пять человек.

Некуда бежать

Лидия Егоровна: «3 октября нас выгрузили на вокзале в Берлине. Я запомнила одного немца в военной форме, который отбирал людей ещё в Почепе. Он же сопровождал нас до лагеря. Помню, мы шли по городу по дороге под конвоем, а он на расстоянии от нас, по тротуару.

Нас привели в трудовой лагерь за колючей проволокой, который находился в микрорайоне Баумшюленвег, рядом с Трентов-парком. Жили семьями в бараках на 24 человека. Спали на кроватях с пружинными сетками на голом матрасе. Мама из дома прихватила маленький плед, которым я укрывалась.

В шесть утра подъём. Завтрак. Потом администрация лагеря распределяла на работы. Тем, кто ехал на автобусе или электричке, выдавали деньги на проезд. К 20:00 все должны быть в лагере.

В выходные с работы отпускали в полдень. И мы, дети, бежали в Трентов-парк посмотреть, как гуляют и во что одеты немцы. Многие из нас были одеты в жуткие тряпки, штопаные-перештопаные. В воскресенье в лагере включали горячую воду и можно было помыться».

Одновременно в лагере содержались примерно 500 человек. Из Ореховки с Рождественскими в одном бараке ока-

^ Лидия Самойличенко

зались три семьи. Однако больше всех здесь было белорусов. Рядом с лагерем русских стояли рабочие лагеря французов, чехов, итальянцев, бельгийцев, поляков.

Анна Егоровна: «Красный Крест им хорошо помогал. Их лучше кормили, платили зарплату, содержание и отношение немцев к ним было совсем другое, чем к нам. Нас кормили брюквой, шпинатом, картошкой и хлебом. Все обуты в деревянные колодки, на рукавах должны были носить повязку голубого цвета с белыми буквами OST. В первый год нас водили на работу под конвоем.

Старшим над нами был один поляк, которого мы проклинали за жестокость — проштрафившихся он избивал палкой, как собак. Но немцы боялись русских мужчин. Наши были очень дерзкие, непокорные, отчаянные. Пытались вредить и сопротивляться. За саботаж наказывали. Убегать — никто не убегал. Потому что почти все были семейные, с детьми. Да и куда убежишь, когда не знаешь ни языка, ни дороги? Всё рано или поздно поймают».

Шансы на выживание остарбайтеров зависели от того, где они работали. Одно дело батрачить на ферме или в качестве прислуги в богатом доме, и совсем другое — на заводах, шахтах, где условия гораздо жёстче.

В первые дни в Берлине Анна и Лидия разбирали завалы разбомблённого американской авиацией завода, на котором делали танки. Потом занимались расчисткой города от кирпичей и мусора. Мужчин гоняли копать окопы под Берлином.

В 43-м авианалёты происходили каждую ночь, кроме воскресенья — тогда лагерники могли немного поспать. А в конце 44-го и всю зиму 45-го бомбы сыпались на головы, не разбирая времени суток. Рождественские прятались в подвалах разрушенных домов.

Анна Егоровна: «По лагерям никогда не бомбили, но однажды какая-то бомба упала рядом с нашим забором. Один из бараков расплылся, от осколков погибли и покалечились много молодых мужчин».

Вагон для русских

Отношение к остовцам со стороны немцев было как к людям второго сорта. Им запрещалось заходить в магазины, заговаривать, идти по одной стороне улицы с немцами, ездить в

одном вагоне электрички. Для них были другие вагоны в конце состава и без сидений.

Перемены в отношении почувствовались в 1944-м, когда фронт стремительно приближался к границам рейха. Лагерный режим стал мягче. По городу теперь можно было ходить свободно, без конвоя. Немного улучшилось питание, добавился маргарин. Русским стали по чуть-чуть платить за труд, в основном деньги уходили на проезд.

Особенно немки, но не все, стали доброжелательнее, главным образом к детям и подросткам. Дарили вещи и давали возможность подзаработать, что раньше гражданскому населению запрещалось.

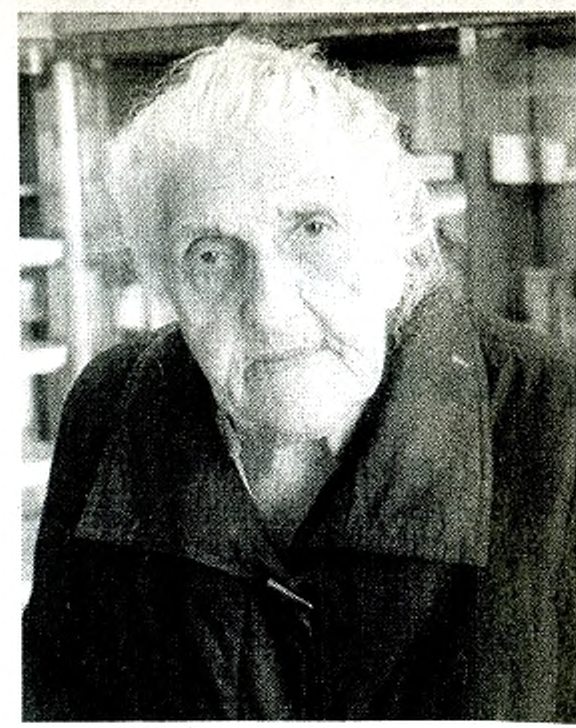
Анна Егоровна: «Я подружилась с немецкой девушкой. В школе и техникуме я учила немецкий, кое-как, но мы понимали друг друга. У неё был магазинчик, куда она меня приглашала в выходные дни. Я мыла полы, за это она давала батон хлеба. Потом мы вместе слушали русское радио. Она всё просила меня, когда придут русские солдаты, чтобы её спасли».

Лидия Егоровна: «Идёшь с работы уставшая, голодная и думаешь, где бы подзаработать. Я всегда хотела есть. Иногда возле магазина, где я стояла на свой страх и риск, иначе меня могли сдать полиции, какая-нибудь немка незаметно, отозвав в сторону, быстро совала хлебную карточку и сразу убегала.

Однажды разбомбили какую-то контору, где на разборе завалов наши нашли продуктовые карточки. Они оказались погашенными, но мы этого не знали. Я зашла в магазин, взяла продукты и протянула карточки продавцу. Она вызвала полицию, та приехала, и меня повезли в участок, где кинули в тёмную комнату. Я так испугалась, что стала сильно кричать. Выпустили, стали спрашивать, откуда я. Потом отвезли в лагерь».

Анна Егоровна: «После освобождения нас никто не проверял. Отношение после возвращения в СССР было нормальным, мы не чувствовали никакой неприязни. Ещё в Берлине отца забрали в Красную армию. Наш дом в Ореховке каким-то чудом уцелел за войну, хотя многие другие сгорели».

Лидия Егоровна: «После освобождения мы сбежали из лагеря. Пошли искать русского комманданта города. Нас посадили в машины и вывезли на окраину Берлина. Привезли в Брест, он был до камушка разбомблён. 9 мая мы были в Польше, а 15-го на поезде приехали в Нарышкино, оттуда до дома было уже близко».

^ Анна Арефьева

ЗА ВСЮ ВОЙНУ, ПО РАЗНЫМ ДАННЫМ, НЕМЦЫ ВЫВЕЗЛИ ОКОЛО 3,2 МЛН ЛЮДЕЙ.